

Друг мой Юра

*Статья Ю.М. Лужкова для газеты «АиФ»
09 декабря 2016*

В декабре 1996 года Юрий Никулин был молод. Семьдесят пять – не возраст для человека с таким великолепным талантом жизни. Так я тогда думал, потому что понимал: талант жить – это талант щедро и безоглядно тратить себя, в том числе и на человеческую дружбу. Тратить, ничего взамен не обретая, кроме дружбы за дружбу, любви за любовь. Много это или мало? Зависит от того, насколько сам ты щедр.

Юра был в этом смысле ничем не ограничен.

Восьмого декабря того года любимому цирку было, после юбилея Юрия Владимировича, присвоено имя «Московский цирк Никулина на Цветном бульваре». Так Юра при жизни вошел в историю. Прочно. Навсегда. Хотя он уже много лет был ее подлинной и уникальной частью – полновесной частью отечественной культуры, частью великого советского кино, частью духовной жизни народа.

Я познакомился с Юрием Владимировичем, заочно любя и уважая его, «по велению партии», а если быть точным, то по заданию Правительства СССР в лице его тогдашнего председателя Николая Ивановича Рыжкова. Это было в 1987 году после того как после принятия специального постановления Правительства по строительству цирка мне в Мосгорисполкоме было поручено курировать вопрос, помочь этому важному делу столичными ресурсами.

Многие и сейчас помнят, какие страсти кипели вокруг этого строительства. Взбудораженная перестройкой общественность выдавала одно требование за другим, и часто противоположного свойства: кто-то настаивал на полном сносе, кто-то требовал вообще не прикасаться к старому зданию. Компромисс был найден и получил одобрение Юрия Владимировича: здание построили новое, а в современный фасад бережно вписали фасад исторический – это было и архитектурно выигрышно, и уважительно к старине. Москвичи приняли этот вариант безоговорочно.

Запомнились день и час, когда я позвонил Никулину, чтобы сказать о готовности Москвы помогать строительству. Позвонил, представился. Юрий Владимирович чуть помолчал и произнес со своей неповторимой интонацией: «Первый раз вижу, чтобы власть сама в цирк пришла».

Ясно слышалось: это лучше, чем когда цирк во власть приходит.

Мы поняли друг друга. И мы стали друзьями. Работа крепко сближает людей, потому что раскрывает их характеры, показывает человеческую суть. Многие вопросы в самых высоких кабинетах он решал настолько толково и четко, чтобы было ясно: слава это хорошо, но нужен талант делать людей убежденными союзниками. А вопросов было множество: и строительство, и труппа, и звери – цирк дело большое, и Юра меня сделал настоящим энтузиастом не только стройки, но и всего, что есть цирк. Нам все удалось сделать быстро и хорошо во многом благодаря той неповторимой ауре, которая создавалась вокруг Юрия Владимировича и в цирке, и вне его.

Здание было построено, открыто, годы летели как птички, времени никогда не хватало, но как бы ни громоздились всякие важные дела, нам с Юрой удавалось время от времени попить чайку с медом. Поговорить. И мне, и, как я понимаю, ему, это было необходимо,

потому что хотя мы жили каждый своим делом, подход к делам был общий. Трудно определить одним словом, какой. Может быть, пусть это и странно прозвучит, страстный.

И я, конечно, очень ценил ту волну душевного тепла, обаяния, красоты, которую излучал Юра. Он никогда при этих встречах ничего не играл, как это иной раз вольно или невольно бывает у артистов. Он был цельным, крупным, серьезным человеком. Мы за чаем ведь со смеху не покатывались, разговоры были не смешливые. А вот улыбка была: то лукавая, то ироническая, то очень мягкая и добрая. Никулинская.

В конце июля 1997 года раздался звонок от Юрия Владимировича: «Хочу к тебе заехать ненадолго. Найдешь время?».

Меня в сердце кольнуло.

Он приехал довольно быстро, мы сели в комнате отдыха, я предложил чай, Юра не отказался.

- Что, - спрашиваю, - тебя привело ко мне?

- Да, - он отвечает, - пустяки. Я пришел сказать, что я ложусь в больницу, будут делать операцию на сердце. И вот хочу на всякий случай тебе сказать: до свиданья. Прощай.

У меня горло перехватило.

- Ты что, с ума сошел?

- Нет, просто вот сердечко шалит. Мало ли что может случиться. Я пришел к тебе первому, хочу сказать: прости, прощай.

- Послушай, Юра, с такими мыслями на операцию ложиться – лучше не ходи. Не надо.

- Нет, я решил. У меня с сердцем проблемы, их никто пока не видит. И я не хочу, чтобы видели. Не хочу. Мрачного, болезненного Никулина страна видеть не должна.

Он сказал «страна» так, как говорят «семья».

- Не нравится мне твой настрой, - говорю ему. – Скажи, тебе консультацию дали серьезную? Рекомендовали операцию?

- Да. Все определено до точки. Я уже побывал в клинике, познакомился с врачами, очень там все здорово. Клиника это частная, очень комфортная.

- Юра, комфортно, наверное, с точки зрения полежать-отдохнуть. Палата, телевизор, холодильник, персонал внимательный, обходительный. А врачебный уровень, уровень квалификации – какой он там? Есть понимание, что с тобой случилось, что надо делать?

- Ну, конечно, там профессура...

- Слушай, но тебе, может быть, нужно, чтобы провели консилиум, посмотрели еще раз как следует. Они собираются, обсуждают, приводят разные точки зрения. Ищут верное решение.

- Нет, зачем, консилиума не было. Они рекомендовали, и настойчиво, операцию. Они же специалисты.

- Как можно без консилиума!

Он посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, я уже решился».

И я увидел в его глазах такое, что меня бросило в озноб. Я увидел, что он решился на уход из жизни.

Я говорил ему: «Остановись. Давай проведем консилиум, у нас есть серьезные кардиологи, потрясающие, высочайшего уровня».

Он ответил:

- Я к тебе пришел не за тем, не за помощью, чтобы организовать консилиум. Я приехал попросить прощения, за все, чтобы сказать: прощай.

- Я не хочу, чтобы ты с такими мыслями шел на эту операцию.

Юрий Владимирович помолчал, потом сказал:

- Не вникай во все это. Мне надо еще к двум-трем людям заехать. Приходи ко мне туда, в клинику, она на Шоссе энтузиастов. Я буду тебя ждать. А по операции никаких шагов предпринимать не надо. Я решился.

И он ушел. Потом была операция, врачи несколько дней боролись за его жизнь, но ничего не смогли сделать. Я думаю, он совершенно ясно, абсолютно открыто принял понимание того, что никакая операция не поможет. Ведь человек все чувствует, все знает и понимает.

Он остался непобежденным смертью, потому что сам решился уйти с достоинством. И снова явил свое честное, мужественное, доброе сердце: приехал проститься.

Я благодарен тебе, Юра, за это прощание и прощение. Прости и ты меня.

Как странно и мудро устроена жизнь. Вспоминая дорогого мне Юрия Никулина, подумал о маме. В свой срок наступило время, когда она говорила, что делать ей на земле нечего, жить стало неинтересно, и пора закончиться ее жизненному пути. Когда старший брат ушел из жизни, моя мама перенесла это горе и, как она считала, получила задачу от Всевышнего, от природы: воспитать внука.

Потом ушла из жизни моя жена. Трагически, болела долго, страдала. Остался тринадцатилетний наш сын. У меня была круглосуточная работа, сверхнапряженная, времени катастрофически не хватало, и моя мама – его бабушка снова увидела необходимость жить.

И потом, когда он вырос, она приехала, расцеловала своих внушек и сказала:

- У вас, у моих детей, все нормально. Теперь я свободна.

И через неделю ушла из жизни.

Наверное, и Юра Никулин, незабвенный мой друг, почувствовал себя свободным. Главные дела жизни, задачу, которую ему дал Бог, он исполнил. Был великим артистом. Спас цирковое искусство России в самые безрадостные времена. Построил новое здание цирка. Воспитал сына – Максима Никулина, продолжателя отцовского дела.

Он приезжал ко мне проститься, а я никогда не смогу расстаться с ним. Ты живой, Юра.